

KI 1429971

100

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЛЕНИНГРАД

1971

ИЗБРАННОЕ · В ДВУХ КНИГАХ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ИЗБРАННОЕ

1

К11429971

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Р 2
О 66

Предисловие
С. Наровчатова

Оформление художника
А. Третьяковой

О ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

У каждого поколения есть свои поэтические «святцы». В них обычно записаны имена людей, сложивших первые слова песни, продолженной другими. Сила и значимость первых слов в том, что они прочно слиты с начальными нотами лейтмотива, проходящего через всю песню. Лейтмотивом советской поэзии военной поры стал подвиг. Правственный и физический, личный и коллективный, он дал содержание и направление творчеству поэтов, рожденных Великой Отечественной войной.

И естественно, что имена поэтов, утвердивших правоту своих первых слов ценой собственной жизни, поколение внесло в почетный список тех, кем оно по праву гордится. Они объединили в себе слова и мотив — творчество и подвиг.

Но не одним погибшим принадлежит право на такое единство. Павших смертью храбрых на полях священной войны и оставшихся в живых советских поэтов объединяет общий подвиг защиты отечества, тот неопределимый вклад, который внесли они в нашу победу. В их жизни и поэзии запечатлены лучшие черты поколения — непоколебимая верность идеалам революции, чувство величайшей исторической ответственности перед своей страной и своим народом.

К этому имеппо поколению поэтов-воинов принадлежит и Сергей Орлов, пришедший на войну совсем юным и чудом уцелевший в 1944 году в чадном факеле горящего танка. Счастливая звезда сберегла его для жизни и поэзии.

Из уст в уста переходили в послевоенные годы его тогдашние строки, ставшие теперь хрестоматийными:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы мстут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

Такие стихи не каждый имеет право написать. Да они и не получились бы у того, кто сам не прикоснулся своей участью к такой судьбе. Но Орлов мысленно мог полностью отождествить себя с этим безымянно-великим солдатом, и стихи прозвучали удивительным по силе реквиемом. Поколение, водрузившее стяг победы, осознало в этих стихах глобальные размеры своего подвига: вместе со своей страной оно спасло от фашизма Европу и весь мир. И сама земля становится мавзолеем «простому солдату», утвердившему своей смертью вечную жизнь человечества. Этими стихами Сергей Орлов сразу завоевал любовь читателей.

Как всегда бывает, стихотворение-локомотив потянуло за собой движущийся состав стихов, стоявший до сих пор на запасных путях. Увидели свет и прозвучали на всю страну строки, сложенные молодым танкистом еще на фронте под лязг гусениц

и грохот разрывов. Стихотворения короткие, резкие и прицельные, как орудийный залп, впечатывались в память читателя:

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой —
Мы люди, а она стальная...

Такие и подобные им строки поражали не только достоверностью деталей, но и неожиданной свежестью и широтой обобщений. Перед читателем во весь рост вставал человек поколения, привыкший мыслить смело и масштабно, ощутивший себя не инструментом, а творцом победы.

Шли годы, и стремительно менялась жизнь, принося в стихи новые мысли, переживания, темы. Вскормленник русской деревни, С. Орлов все чаще обращается к ее людям и пейзажу, к ее нуждам и чаяниям. Российский север дарит ему скупые и топкие краски для его новых стихов. Изъездивший вдоль и поперек родные края, поэт близко принимает к сердцу и скромные будни малых городков, и драматические столкновения старины и новизны на Волго-Балте, и пронзительную поэзию малых полустанков на больших магистралях. И опять во всех этих стихах, нахнувших свежим тесом и светящихся свежими окнами, как новосрубленные дома, уверенной хозяйкой властвует живая и действенная мысль. Вытенированная долгим и обширным чтением, обогащенная ночными размышлениями и спорами с самим собой, друзьями и звездами, она радуется неожиданным находкам и сопоставлениями.

По природному дарованию С. Орлов — лирик, и жизнеощущение у него насквозь лирическое. Вы встретите у него чистые и нежные строки о любви и дружбе, надеждах и потерях. Но та масштабность чувства и мысли, о которой мы говорили вначале, придает его поэзии характер весьма своеобразный. Это как бы широкоэкранный поэтический фильм, где попеременно чередуются, а то и смешиваются лирические и эпические кадры. Термин

«лиро-эпический» применяется обычно к современным поэмам, я бы его приложил ко всей поэзии С. Орлова.

Возьмите для примера хотя бы такое щемяще-лирическое стихотворение, как «Ты в жизни жег хоть раз мосты...». В нем всего двадцать пять строк, через которые проходит один сквозной образ саперов, сжигающих и заново возводящих переправы. Но это по сути маленькая поэма, образ в ней разворачивается приемами эпического повествования, широта картины тоже эпическая, но разрешение, конечно, подлинно и целиком лирическое. Много таких превосходных стихов, объединяющих два основных компонента поэзии, встретите вы у Орлова.

Когда молодой поэт выступил вскоре после войны с первыми стихами, талантливость его не вызвала сомнений, она была очевидна. Но дорога к мастерству ставит талант лишь начальным и необходимым условием движения к далекой цели.

Сейчас Сергей Орлов признанный мастер советской поэзии, и цель, казалось бы, достигнута. Казалось бы!.. Но мучительное счастье творчества в том, что за одной целью вырастает другая, за ней третья, и так без конца... Далеко не всегда сам поэт определяет цель, стоящую перед ним. Ее определяют люди, общество, время. Перед поэтами, рожденными Великой Отечественной войной, наше общество выдвинуло труднейшую и благороднейшую задачу. Раскрыть духовные начала подвига и передать нравственные ценности поколения своим преемникам — молодым людям современности и будущего, — так вырисовывается она перед нашим мысленным взглядом. И тут за целями вырастают цели, их столько же, сколько граней у подвига, сколько сторон в духовном мире поколения.

Решить эту огромную задачу не под силу одному поэту. И, внося свой вклад в ее решение, С. Орлов знает, что он не одинок, ибо локоть к локтю идут с ним рядом святые тени павших и звучат возле и вокруг него живые голоса живых...

Сергей Наровчатов

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

*Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;*

*Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота зородом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.*

*Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.*

*Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.*

1938—1940

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

* * *

Как на родине? Осень,
В скирдах рожь на полях,
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор,
Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не стораю,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость:
До чего же похожи
На багрящую гроздь.

В крепких валепках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому,
Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

* * *

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Ч-об на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.

О С Е Н Ь

Широким журавлицым клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шипели серые, штыки...

Под аэропелестит березник,
Ему последний лист рождать...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

1429971

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским берегам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Певский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш, —
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поет
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.

Издали в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда...

Поет подряд, который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...».

Шипит и молкнет черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал петь:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверь подождать!..».

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

По сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути..
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами заметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дороге тепла...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А пад домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!»

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

* * *

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,

Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, зная,
Нам, неверищим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

З Е М Л Я Н К А

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в тапке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Пишем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы: кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик вместо гроба
Друга завтра в полдень завернешь...
Но хотелось очень, чтобы стало
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

ЭТО БЫЛО
19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла веспа.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из бапти,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родятся.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей, погибших
под Карбуселью.*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым след не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбуселы!

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые КВ
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Депечек фронтовой.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли тапки и машины по почам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солдцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — псобычпая, большая —
Тревожила знакомостью опа,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

О Т Д Ы Х

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю спы.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приспится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

* * *

Ходят тучи сизые до злости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки топки в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать,—
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

П Ы Л Ь

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

* * *

Ночь бела, закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.
Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?...

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили, —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

* * *

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармони в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра...
Никому у нее не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, полождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне не даром
О хорошей встрече потом...

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой —
Мы люди, а она стальная...

* * *

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо сбросят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

* * *

Потомок наш о нас еще вспомнит
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толлом начиняли
И посылали предки на врагов, —

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну».

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь
И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины па ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская Софья...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громящая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках спесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лопу всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звучит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых почей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзольей...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

* * *

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Снал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Боясь некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

* * *

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась...

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня,

П О Е З Д

Простучит по рельсам поезд,
Принесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду пачеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

В И Н О

В подвале каменном вино
Стояло много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
«Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!»

* * *

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Везу, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Башках
К пристани выходит, ожидая, —
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты,
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, уруги и остры,
Седеющий туман разрежут, —

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

А ТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

* * *

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,

Услышать травы произрастанье,
Трепет заполночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней тьмотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером ильвуют туманы,
Плывет протяжный шум тресты —
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса,
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный «шоломник»,
В мокрое уперся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню, —
Только не догнать нас все равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно,
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков.
Будут там нас потчевать ухою,
Сладкой жарениной из снетков.

* * *

Л. П.

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.

На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.

Тулуц на ямщике, как пламя,
Горит один среди зимы,
И кони, фыркая, поздрями
Учуют дальние дымы.

Наутро рыжий письмоносец
Опять письма не занесет...
Я не порадуюсь на просинь,
Что в низком пебе настает,

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, пла лиса,
И уведут надолго лыжники
Меня в глушковские леса.

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли.
В Африку, в Египетскую область,
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, но родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шекены-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, юмны и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд берсизяки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет —

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей...

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнет щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег заленит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в пене тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звящей, как струна.

А где-то жаркая гармопика,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о копниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Где волны до неба летят,
А здесь у руля капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лощи нет, ни компаса —
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беляны, груженные тесом,
Пазбушки на грузных плотах,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнет сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

«Ну как там, Фаденч, с покосом?» —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плаванье тоже — п дома
До осени, знать, не бывать...

ПЛАВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы плавучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, визальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Молчат, загрузив, плотогонь,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры п разом
Свой ход убавляют па малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стропуть с причала, —

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер пз поля доносит
Старинную песнь о рыбше...

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темпоту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотонизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движенье,
В синем небе на трех быках.

П А Р О М Щ И К

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,

И качнет ответно кропами
Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Припвартуется паром —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
«Разреши огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке. —
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..»

Д Е Р Г А Ч

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голепастый, хвост торчком...

* * *

Пришел мальчишка в школу, в первый класс,
Совсем малыш, веснушчат и вихраст.

На парте глобус, круглый, голубой, —
Из тонкого картона шар земной.

Мальчишка перед партою привстал
И осторожно землю приподнял.

Потом рукою загорелой, в цыпках,
Крутнул планету бережно, нешибко.

Моря, материки попеременно
Плывут. От глобуса он не отводит глаз.

Он вырастет хозяином вселенной...
Пришел мальчишка в школу, в первый класс.

* * *

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентябрю,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолата,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Л. П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помани рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.

Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

БАКЕНЩИК

Река разлившаяся, быстрая
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить пужно грузы в срок...
Горит, горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

* * *

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармошек на гребнях ста тысяч
околиц,
Дым победного пиришества после горячей страды.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит выдавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век —
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздвигался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое, спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

* * *

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Снят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит, дрожа,
И копоть черная на ранах,
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Черно от мглы:
Там, где взрывная моцъ газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью,
Свело огнем.

Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет, как кровь,
И ветер танковой атаки
Не всыхнет вновь,
Не опалит железных легких..
Не встанет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.
Но долетает издалека,
От хуторов,
Глухой дизельмоторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов ведут комбайны
В полях страны..
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разглядит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сторевший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

* * *

Как стога, стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь адела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайперá за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.

Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел;
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.

Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Сапоги заскорузлые в глине сухой.
Шел от пыли совсем седой.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля,
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля...

Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,

Глазами дымный мир окпнул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И ст напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле,

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно...».

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из ДТ
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,

Богохульную истину
Смертью своей утверждали..
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно..
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашпе,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синой
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой!

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
Новобранец безусый,
Паренек
Из-под Старой Руссы,
В полк
Четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
Поименный.

Девятнадцать
Ему от рода.
Не бывал он
В боях-походах...
На стене —
Героев портреты.
Он узнал о них
Из газеты...
Как живые
Глядят с фотографий
Люди

Сказочных биографий.
Шли они,
Поднимая роты,
Закрывали
Собою дзоты.
С них
Полка начинается список...

В ту же книгу
Он будет вписан.
Молча
Замерли батальоны.
Встал он,
Тихий и потрясенный,
Принимают
Его перед строем
Равным в братство
К великим героям.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.
Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сиво-белую громаду, —
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь, до былинки, этот белый свет.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На полянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и топко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девочка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, пизкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то чтобы пелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

* * *

Этот поезд, идущий в лето,
По пути к дорогому, к заветному,
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето! —
Едут в Киров, Свердловск и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солища, в пакрапах.

А в вагонах — все окна пастежь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные повеселы.

Область сердца, область Сибири, —
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна заверпула за зданья
И звепит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: «Трогай!»,
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг при встрече случайней где-то
Подойдет, поздравит знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

В Т Е П Л И Ц Е

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза —
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегаящий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Но климатом всем управляют вдвоём,
Согласно инструкциям строгим,
Здесь дед-бородач с молодым пареньком,
А не всемогущие боги.

Коль надо жару, так жару зададут,
Коль надо — прохладой повеют.
И столбики ртути в термометрах тут
Без них шевельнуться не смеют.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнёт на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

* * *

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села;

Мимо палисадников и окон,
Топкая, в батисте голубом,
Повстречайся, будто ненароком,
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану:
Третий — лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.
«Вечер добрый!» —
«Добрый вечер!»
Вся она красива без прикрас,
Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, как пена, полотна,
Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронят
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду
Маленькие твердые ладони...
Что же, попрощаюсь и пойду...

«У меня дела...» —
«Идемте с нами». —
«Нет, увольте. Ну, друзья, пока...»
Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может статься,
В жизни вместе далеко идти
Так вог, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо! А вечер тих.
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они подтянулись на плотину.
Силуэты вычертил закат...
Вечер, вербы, тени, Валентина,
И во ржи коростели кричат!

ЧАЛЕКСА

Тресты зеленые ножи
И камыши — как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокоренная, ничья,
Заверчена, закручена.

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два,
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она снаряжена,
Летит издалека?
Бег начала когда ж она? —
В старинные века.

Меж прочих речек выделив
За прав, за непокой,
Ее и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке:
Спешит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным-юна.

Летит себе, и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
В сорок девятый год.

И ей сказали: «Путь далек,
Но ты примчалась в срок.
Пора вступать в свои права,
К работе приступать —
Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,
Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...».

Тресты зеленые ножи
И камыши — как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

А на высоком берегу,
Уложенные ровно

В две пирамиды, на лугу
Уже готовы бревна.

И только плотникам скажи —
Они начнут рубить ряжи,
Плотину возводить...
«Что ж, так тому и быть!»

* * *

Люблю строительства лесá
И запах стружек на ветру.
Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Ты выйди в поле — как красив,
Весь огненный под голубым,
Полей возделанных массив
И жаворонка звон над ним;

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремит
Басы тяжелые реки;

И ночь созвездиями сел
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосел,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет, погляди,
Когда в нем самолетов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
И глубже станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы падем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,
 полки,
 дороги,
 битвы,
 страны,
Торжественность великого момента,
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —

Тяжелое, горячее, большое,
Все в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к деревку.
Потом качнутся резко клубы дыма,
И — настезь люки танков, и взревет
Моторы в тишине неповторимой...
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав глухой дизельмоторный,
Издалека до нас дошедший гром,
Мы вставем здесь — механики, башниры —
И номера полков произнесем!

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну

Бензином и поем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом,

В П О Л Е

Как девочка-подросток,
Стоит в хлебах березка,
Глядит в простор зовущий,
На небо и на травы,
На золотой, насущный,
Поспевший хлеб державы.

А в нем дороги лента
С холма на холм ложится —
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

По ней в кудлатой пыли
Полуторки грохочут.
И тень широких крыльев
Отбросил с неба летчик.

Как голубая птица,
С ученым полеводом

По ней «москвич» промчится
И проползет подвода.

И нешим ходом просто
С тугим мешком заплечным
Веснушчатый подросток
Пройдет заре навстречу.

Он песенку затянет
Про парня из забоя
И на березку гляпет —
Как позовет с собою.

И на дорогу-ленту
Она не паглядится.
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

Одна из тех на свете,
Каких повсюду много,
В огромном жарком лете
Знакомая дорога.

ДОЖДЬ

Шла туча издали,
Черна, лохмата.
И вдруг над избами,
Как из ушата,
Дождь опрокинула.
Под грома оклик
Литавры вскинула,
И дрогнул округ.
Дождь бы и рад в луга,
Но нету арки, —
И встала радуга
Под солнцем жарким.
Капуста крикает
На огороде, —
Во время всякое
Ей дождик годен.
А вот косцам в лугах
Дождь как измена, —
Они гребут в стога
И в копны сено.

Идет дождь напуском,
От солнца пегий,
Но, видно, взапуски
Давно не бегал...
Растут в лугах стога,
И, словно саблями,
Встречают дождь луга,
Сверкая граблями.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная —
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, но утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

СТУДЕНТКЕ

Там заметает улицы зима,
Как по морским волпам плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам липь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей рсблячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сопь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шекспу или Шелопь.

Спит сторожика, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи, —
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;

Тебе на Мойке в общежитье спят
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

* * *

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И пагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

КУРОРТНИКИ

А. Яшину

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина,
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожар, еще
Катилось солнце — море плавило,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрустив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: «Как посеяли?..»,
Другой: «Как лес на реках сплавили?».

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь, беззаботные,
По бережку у моря шляются.

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На Белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Белозерском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологдой
Черемуха в Никольске пенится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь куда от солнца денешься...».

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
«Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!».

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», —
Шура Капарулина пост...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена девиц перебирал,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

«Кто ж такая это, в самом деле?»
У предрика свет из-под бровей:
«Мастерица кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...».

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поет!

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!..

Испортит!..».

Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом-Тихом океане
Служит пынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратари.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика) —
Просто рядовые горожане,

Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна,

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого как кипень голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах майского тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном —
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь дошскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склонясь у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А сверху, цементом пропыленны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

И с могилою солдатской рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, с утра
Гздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора!

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская,
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Труд людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит, по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДОЖДЬ

Он застал нас в степи, от него не уйдешь,
Он хлестал по машине в упор.
В нем от зноя хрипел, задыхался мотор,
А водитель шутил: «Сталинградский дождь».
По железу, по стеклам наискосок,
Как наждак оставляя следы,
Дождь — косой, проливной, без пылинки воды —
Раскаленный крутой песок.
Мне казалось, что вскинешь за дверцей ладонь —
И по коже пойдут пузыри.
Мне казалось: машина идет сквозь огонь
(А водитель сто раз эту трассу торил).
Замутилась дорога, и прутик стальной
Протирал на стекле полукруг
Неба синего, желтой равнины степной —
Открывал северянину юг...
Там, на севере, льют-в эту пору у нас
Настоящие с неба дожди.
Их бы в эти безводные степи на час —
Можно было бы степь разбудить

Шумом трав, тихим стуком смолистых ветвей
И негромкой свирелью ручья, —
Но в степи бушевал без конца суховей...
Возмутился природою я.
А водитель, как видно, не думал о том,
Не мечтал о далеких дождях, не грустил —
Просто бутовый камень, песок да бетон
Для плотин и для шлюзов водитель возил, —
Для плотин, у которых морям грохотать,
У которых садам расцветать,
От которых дорогу дождям начинать
И ветрам поворачивать вспять.

КОНЬ

Степь гремит, как море широка,
Но взялась откуда — непонятно —
В ней иод вечер песня ямщика,
По шоссе плывущая невнятно.

На сто верст подкова ни одна
Пыль не припечатала ни разу,
И повсюду слочка видна
Крутобоких пятитонных МАЗов.

А по следу их из Калача,
Непривычный здешнему народу,
Рыжий конь, подковами стуча,
В степь везет в дубовой бочке воду.

Кружку пива осушив в ларьке,
Кнутиком старательно махая,
«Степь да степь кругом...» — о ямщике
Дед, у бочки сидя, напевает.

Гаснет солнце в дымной полосе,
Вот уже не пышет небо жаром,
И навстречу песне по шоссе
Голубые ударяют фары.

Катится степной обычный гром,
Но уже визжат, скрежещут шины,
Перед рыжим огненным конем
Тормозят тяжелые машины,

Объезжая с бочкою коня.
А на ней поет себе подводчик...
Степь да степь, — а в ней столбы огня,
Гул работ и душный полог ночи.

В КЛУБЕ

Вечером на трассе Волго-Дона,
Там, где звезды и огни горят,
В клубе Береславского района
Выступают деятели МХАТ.

Зал отхлынул, как река, и замер.
И, от рампы отрывая взор,
Свой забытый выпускной экзамен
Почему-то вспомнил режиссер.

Всколыхнулись легкие кулисы,
И, вступив в высокие права,
Всей стране известные артисты
Произносят первые слова...

Первые тревожные движенья,
И по ним, дышапье затая,
Видит он, в каком сейчас волненье
Все его старинные друзья.

Люстры все еще идут на убыль,
Тают, исчезая без следа,
А за светом рампы в зале клуба
Тишина на сорок три ряда.

Пыль, мазут коричневый и копоть
Час назад с тяжелых рук отмыв,
Вот они сидят, о локоть локоть,
Все еще пока не позабыв

О бетоне, о земле, о камне,
О машинах в мареве степеней, —
Девушки с льняными волосами
И глазами неба голубей,

Парни, опаленные жарюю...
Вот они сидят, творцы чудес,
Зрители и главные герои
Будущих непревзойденных пьес.

Выступать артистам приходилось
В деревенской школе и в цеху,
Повидать артистам доводилось
Зрителей немало на веку.

Только пынче вспомнилось иное,
Захлестнуло жаркою волной:
Может быть, танкистам под Москвою
Так они концерт давали свой.

В бой уходит через час бригада,
Сорок башен танковых молчат;
И сегодня точно так же рядом
Громы песмолкаемо гремят...

А за рампой будто стало пусто,
Зал молчит по сорок третий ряд...
Высшие ценители искусства
В зале, краской пахнущем, сидят.

СУСЛИК

Рыжий суслик с круглыми глазами
В степь ныряет и исчез, как дым,
Лишь когда взорвется тормозами
Черная дорога перед ним.
Что-то с миром вдруг стряслось такое —
Суслику степному не понять,
Навсегда лишился он покоя —
Трудно рядом с громом прожить.
Выпачкана шубка солидолом,
Бегаёт — ни отдыха, ни сна,
Тощий, запыленный, невеселый,
В поисках насущного зерна.
Даже овсюга в степи не стало,
Выгорел и вытоптан овсюг.
По степи грохочут самосвалы,
В небе птицы тянутся на юг.
В свете электрическом за Волгой,
У скрещенья множества дорог,
Вот и встал он, теплый рыжий столбик,
Продувая маленький свисток.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
«Фамилия... Имя... Отчество?».
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

«Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера».

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, в техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний показывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась...
Мария Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: «Да как вы одна с заботами?» —
«Чего уж заботы мои, не смехи,
Вот уж ребята — работают».

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник пипковый.

Солнцем и степью веет от спин,
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

ЛЕСОВОД

В степи, где суховеи неизменны
Да рыжие текучие пески,
Ему еще пока что до колена
Не достают, но занялись дубки.

Над каждым он склонялся со стараньем,
Как будто бы он пламень раздувал
Листвы негромкой собственным дыханьем,
Рвал сорняки и землю поливал.

Уже в тени зеленого навеса
Пичуги отдыхают от жары...
И вот он встал посередине леса,
Любуясь на зеленые костры.

Когда-нибудь на праздничной равнине,
Под кронами столетними дубов,
Когда не будет на земле в помине
Ни этих суховеев, ни песков,

О нем потомки вспомнят. И в тумано
Голубоватой утренней росы
Таким же точно он для них предстанет,
Как в этот день стоял у полосы:

Сутулый, в гимнастерке неизменной,
Ладони заскорузлы и грубы,
И точно так же будут до колена
Тогда ему столетние дубы.

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ

Эту быль мне как сказку они рассказали —
Все в цветах, золотые российские дали.

Белый-белый, красивый, большой, словно город,
Теплоход из столицы на Дон отправляли.
Садоводы — хозяева главные сборов —
Из всех садоводств собрались на вокзале.

А на палубе — царство созданий зеленых:
Язычками огня пламенеют пионы,
Словно белые звезды мерцают нарциссы...
Дал гудок капитан, трапы приняла пристань.

За кормою смыкались звенящие воды,
Рулевые сменялись не раз на штурвале.
К теплоходу за взятком весеннего меда
Пчелы, может, с пяти областей вылетали.

Но однажды пришли две малютки сестрички:
Голубые глаза, золотые косички.

Ветерок с ними вместе притоил попутный,
И в руках у них были цветы — незабудки.

Капитан — где глаза, где цветы — перепутал,
И не мог капитан не принять незабудок.
Рулевые негромко в тиши напевали,
Берег плыл, волны звонко по солнцу стучали.

Но явились девчата-колхозницы с пашни,
Озорные, веселые Кати и Маши,
Заявили: «А есть ли у вас тут ромашки?» —
«Нет ромашек!» И хлынули на борт ромашки.

Мно на Волге потом рассказали матросы:
Плыл по Волге цветами усыпанный остров,
Уступали дорогу ему караваны,
И махали флажками ему капитаны.

По приволжским лугам, берегам и полянам,
В травах буйных по пояс, как дети босые,
Вслед вдогонку бежали за ним неустанно
Все цветы полевые весенней России.

Скоро или не скоро, а только бесспорно,
Показался вдали удивительный город.

Там от Волги до самого тихого Дона
Поднимается лестница в плитах бетона,
Там ступени из сплава двух рек величавых,
По которым ходить теплоходам державы.

Словно радуга с неба на землю упала —
Захлестнуло цветастой волной все причалы.
И уж так получилось, ни много ни мало,
А руками строителей трассу канала
Вся держава цветами в тот день украшала,

МАЛЬЧИШКА

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое...
Жил на Дону в Калаче мальчишка —
Самый верный рыцарь ее.

Она ему спать по ночам мешала,
Небом и недрами искушала,
По дисциплине баллы снижала,
Дома ему за нее влетало...

Но полюс открыт. Комсомольск построен
Под сенью незыблемой тишины
У танка на площади спят герси
Великой Отечественной войны.

Вокруг только степи зимой и летом
Да тихий на самом деле Дон...
Романтика с первых страниц газеты
На стройку Московского университета
Его позвала, и собрался он,

Вычерчен точно маршрут в столицу,
Всю ночь бы мальчишка мог промечтать
О высоте, до которой птице,
Даже птице крылом не достать.

Приснились ему в облаках стропила...
Уж день занимался над Калачом,
А он поднимался по ним, и била
Струя автогена в руках ключом.

Не знал он, что на газетных страницах
О стройке с утра напечатан закон
И что мальчишки в Москве, в столице,
Чертили маршруты уже на Дон.

ВЕСЕННЕЕ

Снова ветры с юга подули,
Дни летят в голубой пыли.
Степь из края в край захлестнули
Травы, маки и ковыли.

А под самым солнцем, над степью,
Грозы в медные трубы гремят.
Из Египта на север цепью
Гуси-лебеди вновь летят.

Впереди вожак крылами
Воздух плотный упрямо мнут,
Древним зовом, сильней, чем память,
Реки севера их зовут.

А станичные старожилы,
Удивляясь, в небо глядят:
Видно, птицам чутье изменило,
Вот над степью они кружат.

Там, где не было даже речек,
Отколовшись от стай, — взгляни, —
Покружившись, земле навстречу
Устремляются вдруг они.

Сверху их вожак скликают,
Манят, машут, долго крича,
Но редуют в дороге стаи
От Цимлы и до Калача.

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит, не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоет он песню —
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет — жарко небосводу,
Тучи выгибаются звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска падрепных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Снят, вернувшись с паряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сеном молодым.
Подобровишие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Спятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе на дальпей,
У самого края страны.

Довернута громкость на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет;

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спсскойно
На поясе свой пистолет,

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших, тяжелых
С границы приходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

«Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина!».
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
«Удвойте наряд, старшина».

Т И Ш И Н А

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею колыхнется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет, —
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою траны колыхнутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

ЗАСТАВА
ИМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит,
Ручей в бурлящем беге замер,
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в парад,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Но бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Ветать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не тапкист,

Будто я не того же братства,
Жженый, стреляный, фронтовой,
И пеловко мне было в шгатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прощелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Вудто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...».
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Слова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...».

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер..
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погоп,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага, —
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищури,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпресе
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаке лично вел меня.

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.
А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.
А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей па пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.

Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.
А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых,
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.

Солнце над горизонтом. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,

Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не цenia,
Не слушая несенку птицы,
Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных оконных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За пими в метель и в огонь.

А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про сипий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

* * *

Гудок над пристанью вечерней,
Река — как черная заря,
И вот мне ключ каюты вверен —
Я еду, проще говоря.
Еще не взрыли воду плицы,
Томит минута тишины,
А память уж вперед стремится,
Навстречу бакенам Шексны.
Сейчас за первым поворотом
Березка встанет на косе,
И проплывут моста пролеты
Во всей своей стальной красе.
Шексна, ты в детстве мне казалась
Всех рек огромней на земле,
В тебе все небо отражалось
Со всеми звездами во мгле.
Ты поднимала пароходы
В два этажа, как города.
Я много рек за эти годы
Больших и малых повидал.

И на ипые ты похожа,
Как тропка на широкий путь...
Но ты мне стала всех дороже,
А это значит что-нибудь.

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс копчал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было —
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу, —
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоза успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл ПО-2 над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал —
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть печем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром.

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится, как надо;

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом,
Повстречались мы как земляки
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо, —
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там, уже без орденов и планок,
Шиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты...

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами.
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за слей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!».

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мас, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

* * *

В новой чайпой Дома крестьянина,
В дальнем Кичменском городке,
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
«Ты куда?» — «Ну, а ты как тут?» —
«Эй, девчата, давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!»

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Понменно друзей припомнили,
Не пришедших издадека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу, да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули спние,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

* * *

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.
С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.
С пей сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле;
Услышав ее, баяны ахали
Даже в самом несенном селе.
А была она короче кóротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.
Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.

Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг, душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят,
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь короткопогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал.

И сказал медведю: «Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня?».
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

СТИХИ
О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой.
Весь город был у ней в плену —
Глаз, песепок, проказ и вкусов.
Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.
Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.
Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая передо мной
Стояла женщина чужая.
Я девочку любил тогда.
Есть память — с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
«Ты помнишь?..» — девочка сказала.

Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца бела.
Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название,
Все пожелтевшие, в пыли...
А дальше пенел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых, —
И я заплакать был готов.
Но передо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль веселая, она.
Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза...

И я забыл девчонки русой
Пресказы, песенки, глаза.

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе,
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки — что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Португесей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

ПИСЬМО

Я здесь живу на сквозняке,
Меж гор, поднявшихся до неба,
Не на курорте, а в тоске,
В какой еще ни разу не был.
Уж месяц март, а здесь зима —
Такой не помнят старожилы.
Дрожат озябшие дома,
Скрипят деревья что есть силы.
Отсюда надо бы бежать,
Но, на весну тая надежды,
Я продолжаю что-то ждать
На юге, средь сугробов снежных.
Над отопленьем паровым
Окно у нас пургой забито.
Я силю и ем, и мой режим
Еще на двадцать дней рассчитан.
Но это все не вся тоска:
Есть здесь на телефон тропинка,
Там голос твой издалика
Звенит холодный, словно льдинка.

И трубка, брошенная зло,
Летит на рычажок с размаху,
И все надежды на тепло
Опять летят куда-то прахом.
Клубится на горах мороз,
В лицо с размаху хлещут вьюги...
Не дай бог, чтобы вам пришлось
Вот так зазимовать на юге.

РАКЕТЫ

В наше время скорости и света,
Штурма неба мировых высот,
У меня есть дальняя планета,
И с нее ко мне летят ракеты
В праздники уже который год.
Вот они выходят на орбиту
Памяти

по небосводу вновь.

В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.
Рвут они ночное покрывало.
Постоим, уйти повременим.
Вот уже как будто не бывало
Времени со сменой лет и зим.
Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий —
Жаркая планета среди планет
Юности моей,
на белом свете
Памятней ее,
пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты —
Шлют воспоминания сюда.
Я стою в бесшумных вспышках света,
А вокруг меня режут года.
Плещет дым газойля горьковатый,
Тяжкая колышется броня.
Снова в шлемах танковых ребята,
И дороги, полные огня.
Дружба — дружбой. Снова ради друга
По снегу товарищи ползут.
Я лежу под пулеметной вьюгой,
Но они пробьются и спасут.
Времени космическая бездна,
Как стекляшка, рушится у пог...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог —
В ссадинах, в ожогах, в солидоле, —
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.
Я стою под звездным ливнем жарким.
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.
Замерло на площади движение,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равнение стрейном,
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнобойных,
По башням, блещущим слегка,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, неходов дым...
И, приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин,
Пожары, рейды, медсанбаты...
И вот они глядят с машины,
Как всё издавшие солдаты.

И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

В ДЕНЬ ТАНКИСТА

Может быть, в сорок третьем,
Может, в сорок втором
Ветки дымные ветер
Колыхал над костром.
Скрыта хвоей сосновой,
В стороне от огня,
Танков, к бою готовых,
Возвышалась броня.
Но гремящий, не дальний
Фронт забывши на час,
Кто-то с грустью-печалью
Мир припомнил из нас.
Он негромкое кинул
Невзначай в тишину:
«Вот костер и машины,
Как в степи на стану...».
И под пологом мгlistым
Оказалось, что тут
Шофера, трактористы
Наступления ждут,

Ждут его комбайнеры
С кобурой на ремне...
И пошли разговоры
У солдат на войне...
Как они рисовали
Край своих мирных дней,
Как они тосковали
По работе своей,
Как хвалили друг другу
Кто Алтай, кто Урал...
В этой памятной были
Сам я там тосковал...
Та пора миновала,
И на новых путях
След солдатских привалов
Не отыщешь в лесах.
Только память хранится,
Да — на страх всем врагам —
Салютует столица
По торжественным дням.
Вновь кончается лето,
И сентябрьской листвой
В честь танкистов ракеты
Ввысь летят над Москвой.
А далеко сверкают,
И жарки и остры,
Па приволье Алтая
Нынче ночью костры.
Кто-то там, на целинных,
Скажет вдруг в тишине:
«Вот костер и машины,
Как привал на войне...».
И поднимется рядом
У костра в тишине

Цвет гвардейской бригады
На приямой стерне.
И до каждого лично
Долетит из дали
Грохот залпов столичных
Над простором земли.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка Москва,
Пока еще бульжкая, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным пириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной...

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул, —
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

* * *

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий ленисток живого света,
Погасить его хотела тьма,
Но, с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась как пикой,
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,
Беспокоясь всей душой за птицу,
Он се подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

* * *

Час назад сказал как можно строже:
«Спать пора!». Ссылался на часы.
Общими усилиями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.

Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.

Да и как же им глядеть иначе:
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.

Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал,
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.

Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит —
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

* * *

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русских,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шире,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотян бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Ему до тех красавцев далеко —
Тяжелых, многотонных, гусеничных,
Что поднимают целину легко
И стали вроде лошадей обычны.

Прямой капот, четыре колеса,
Труба с дымком — вот главные приметы
И вся его железная краса,
Воспетая в начале пятилеток.

Но как «Аврора», мир перевернув,
В Неву входила, вспарывая воды,
Так в бедную крестьянскую страну
Из Ленинграда вышел он с завода.

В него стреляли ночью кулаки —
В путиловца, партийца, ленинградца, —
Но где он шел — вставали мужики
За ним, как бы во время демонстраций.

Казалось, по деревне ехал гром,
И с ним никто не мог сравниться в силе.
И я за ним бежал, как за полком
Сейчас мальчишки бегают босые.

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел впервые город —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.

Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крылльи с церкви,
С колоколен, медным прибоем.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы.
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.

Первый город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзалов, —

Но недавно, за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.

Белый мрамор колонн летящих —
С морем синим и небом рядом, —
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.

И, увидев впервые город
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы,
Переживший тысячелетья, —

Замер я, словно в детстве раннем,
Заглядевшись с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.

Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

В РИМЕ

Да, мы туристы, нами полон Рим,
К нему ведут дороги всей планеты.
Мы у развалин Форума стоим,
По Колизею бродим до рассвета.

Нас поднимают лифты в Ватикан,
Нам Петр святой распахивает двери.
Нашествие паречий, наций, страп, —
Когда б не видел сам я, не поверил.

К нам здесь привыкли больше, чем к своим,
Без нас немислим был бы вечный город.
И вот мы перед Форумом стоим,
Собой ничьих не привлекая взоров.

Но люди слышат русские слова,
И к нам подходят первыми шоферы.
Звучит вопрос: «Москва?» —

«Да, да, Москва».

И вот уж спрашивают: «Как наш город?»

Внимательные, чистые глаза,
Большие руки у парней плечистых...
«О, белла Рим!» — я от души сказал.
Прекрасен Рим! Я был в нем лишь туристом.

А эти парни видели во мне
Мир их надежды, родину Советов.
И до сих пор я слышу в тишине:
«Москва! Москва!» — их жаркие ответы.

Я вижу, как их лица расцвели,
Как пачка папирос идет по кругу,
Как будто от Москвы своей вдали,
Нежданно земляков они нашли,
На *via Tritone* под небом юга.

НА БОСФОРЕ

Поутру фелуки на Босфоре
Вдоль бортов с цветными поясами —
Кажется, с самой зарею спорят,
Желтые, зеленые, как пламя.

Свет зари падет в Босфор не скоро,
Берега кремнистые отвесны,
И цветут фелуки на Босфоре
Радугою у причалов тесных.

Как хвосты из камня, минареты
Над Стамбулом поднялись высоко,
Их вершины в алых фесках света
Утверждают правоту пророка.

Но еще стремительней и жестче,
Из бетона, стали, в ливне стекол,
Среди куполов и башен тощих
Виден Хилтона отель далеко.

Бует ветер угольным угаром,
Горьким медом, пылью и садами.
Зажигает берега пожаром
Солица апельсинового пламя,

Отражаясь медными кругами
В дымной бухте Золотого Рога,
Где, в мазуте вся, звенит волнами
Аргонатов древняя дорога.

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон Кихот,
Карменсита каблучками бьет о камень,
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки — всё в ней рядом,
Черных «юнкеров» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля
(Шел корабль у Гибралтара темной ночью),
Я увидел, что Испания — земля,
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался, весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса
Ветер дальний запах гаря доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно,
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел, —
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, встрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филиппи давным-давно забыт навечно.
Светят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком,
С потрепанным, притихшим рыжим
Моим врагом — к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Пигаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим,
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй, — беззлобно мы сказали, —
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград...

России зори на полсвета,
Ее и завтра и вчера.
За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит...
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

Огней кричащую рекламу
Он не призвал на помощь в спор,
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взвыл: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык!..».

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я услышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страшась сдаваться в плен,
К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Париж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад,
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить сплеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

В ПРАГЕ

Над синей Влтавой в Праге старой
Цветут высокие каштаны,
Воркуют голуби у арок,
И в солнце-золоте Градчаны.

На площади старинной Праги,
Среди цветов весенних алых,
Стоит, как память об отваге,
Тяжелый русский танк с Урала.

Под ним с утра играют дети
На теплых плитах тротуара.
Им кажется: на белом свеге
Стоит он вечно в Праге старой,

Не рвется он огню навстречу,
Тяжелый, грозный бог атаки, —
Под ним цветы пылают вечно,
И вечно солнцем светят траки.

На башню голуби садятся,
Тепло от плит брони струится,
И мирно о него дробятся
Дождя и радуги зарницы.

И детям кажется недаром,
Что с Прагой он в разлуке не был;
Над синей Влтавой в Праге старой
Победа стала солнцем, хлебом.

НА ДАЧЕ

Я на даче
В гостях побывал невзначай.
«Сколько лет, сколько зим!» —
Так всегда говорится.
«Я с машиной,
Давай, брат, за город на чай,
Мой ковчег посетишь,
Отдохнешь от столицы!»

Нас промчал,
Огрызаясь на встречных баском,
Лакированный зверь
На резиновых лапах —
Пятьдесят километров
Рывком, с ветерком,
От Арбата
До рощицы в рыжих накрапах.

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радушен

И весел со мною:
«По труду и уют, —
Так ведь, брат, говорят...».
И начальственно
Похохотал над собою.

И, как будто своим
Восхищаясь трудом,
Гаражом похвалился,
Пристройками, крытыми цинком:
«Сколько, братец, хлопот!
Вот построю дорожку потом
Из бетона,
И будет тут все как картинка.

Но за всеми следы,
Мастера — всё жулье...».
Он не чувствовал,
Как я мрачней при этом,
И меня обступило
С порога жильё:
От багета
До теплого, с ванной, клозета,

От прыщавого отпрыска,
Тещи, жены,
Толковавших о модах,
Соседях, футболе,
До невинного мопса,
Готового впиться в штаны
Молчаливого гостя,
Как только хозяин позволит...

Холодильник,
Как айсберг домашний, к столу

Пробивался,
Тяжелыми яствами полон,
Телевизор мерцал,
Насторожась в углу.
И портьеры
Штандартами стлались до пола.

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!
Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Счастье мне представлялось
Совсем не таким,
Окруженным высоким
Тесовым забором,
Чтоб копить его молча,
Укрывшись за ним
От прямых,
Ничего не прощающих взоров.

...За воротами
Стайка грудастых девчат
В полинялых юбчонках
Трамбовками била щебенку.
Чад курился,
И рыжих, как пламя, телят
Вез куда-то шофер
На колхозной трехтонке...

День был днем, миром — мир
И простором — простор,
Он шумел,
Не привыкший сдаваться на милость,
Тыщей рек, лесом трав
Вызывая на спор...
Неделимое солнце
По небу катилось...

* * *

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — дальнем далеке —
Идут, идут полки...

* * *

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозёра¹ чай,
Не от чаев шумит.

И не вино тому виной,
Какая в нем вина,
Что здесь народ под выходной
Толкует дохмельна.

Тяжелых кружек пенный круг
До пенья петухов,
Железо узловатых рук
И нежный лен чубов.

В пыли полей, лесов, дорог,
В краю, навек родном,
Их проперчило солнце впрок
Веснушчатым огнем.

¹ Местное название жителей района Белозерска.

Министры поля и реки,
Всё на земле пройдя,
О пользе солнца и дождя
Толкуют земляки.

Чистосердечной речи лад
Не терпит слов пустых.
Что думают, то говорят
О всех делах земных.

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен,
Не знать земле чудес.

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозёра чай,
Не от чаев шумит.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи́м выкладкам беспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой,
Как в гимне партии поется —
Не бог, не царь и не герой, —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с папк рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

* * *

На Большом Гнездиновском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая
Одинокая женщина
Двадцати восьми лет.

У нее есть друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допозднѧ.
У нее есть поклошники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины

Из будильника на пол,
И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновение ладошками,
Словно девочка,
Женщина смотрит на свет.

Тесных туфелек стук,
У кровати поставленных,
Открывает дорогу
Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена,
Выпит чай,
Сунут в сумку с собой бутерброд.

Ах, как много их —
В туфельках drobных, начищенных —
С банным ветром
Выносят метро поутру
На Тверском, на Арбате,
На Пресне!.. И слышь ли
Ту, что тоже спешит
На студенном ветру?..

* * *

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришел до темноты,

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо,

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели, —
Был полон белый свет простых чудес...

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

* * *

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючипа —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на посике каплями,
Кренко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою
и встретились!

Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, встрами ислестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба унавшими звездами,
Временем, тавковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Д. Хренкову

Быть может, это и не модно,
Но у людей, как у людей,
Они хранятся на комодах —
Тома истории семей.

Люблю семейные альбомы:
Там со страниц на мир глядят
По линии мужской знакомо
Три поколения солдат.

Все молодые, все похожи.
Пусть новый день шумит вокруг!
Там дед не старше, не моложе,
Почти совсем такой, как внук,

Что смотрит с пристальной отвагой,
Сфотографирован на днях,
На фоне полкового стяга —
Семьи надежда и броня.

А дед в шинели, серой, длинной,
Оперся на эфес рукой,
Как будто богатырь былинный,
В высоком шлеме со звездой.

Глядишь, и кажется, с налета
В огонь, в степные ковыли
Тачанка в громе пулемета
Опять летит на край земли.

И оп на ней, лихой и юный,
И знамя плещет у щеки,
И ключ: «Да здравствует коммуна!»
Гремит на все материка.

А там, на деда так похожий,
Как будто дед не постарел,
Сып — и не старше, не моложе —
Все так же молод, прям и смел.

Знакома мне его дорога:
Ведь в сорок первом в ранний час
Труба, сыгравшая тревогу,
В ружье подняла вместе нас.

И на четыре года с лишком
Ушел солдат в огонь и гром.
Я знал о нем не понаслышке
Под Мгой, под Курском и Орлом...

Лет грозных жаркая зарница,
Она одна на все года,
Горит, горит на всех страницах
Пятиконечная звезда.

И ты сидишь, альбом листая, —
Как будто трогаешь рукой
Огни костров и даль без края —
Историю земли родной.

* * *

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони пад костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу, тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшеничным теплым ароматом...

Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Всё о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Теги жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком,
Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем...

Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

* * *

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собрания —
Их посещала родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитонные грома...
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.

Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но внятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуно
За Бийском, у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были — коль взглядеться.
Но я то время не сужу,
Я на него глазами детства
Без списхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладою в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммуно гнулись на ветру —

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой,
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

А на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,
Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба к дверям песли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже, металл,
Румяный круглый хлеб

капустных

След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно
Пекли его в огне печи,
И он хранил их след неровный,
Все жилки, линии, лучи...

Всем одинаковый, бесплатный,
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных; струганых, щербатых
Столах некрашенных в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг, —
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко.
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетело, детство,
Уже твоих не слышно крыл.
Но в жизни есть одно наследство, —
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб. Под синим небом
Не раз я ел его потом —
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком, —

В ладонь с брони сгребая крошки,
Промерзшие, как серебро,
Под артилетом и бомбежкой,
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был, с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне
Он не бывал ни разу горек —
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный
И ветер близкий Октября.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня,
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая,
В неудобных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тропов и ворот, —
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны,

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугунного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омывая колею.

И казалось, в некотором царстве —
Нет уже защиты от судеб,
Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков.

Вновь звезда зеленая не гаснет,
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без устали —
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

* * *

Под атласным одеялом
Солнцем полное плечо,
Лев волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спишь еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела,
Лес молил январь о чуде,
Но казалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окнах свету терема.
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный —
Полоц звону, разума.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса,

Посмотри: не шелохнутся
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюда,
Днем с огнем в лесу лиса,—
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса.

В железо первосортное обутый.
Тяжелой башни резкий разворот —
И в шлемофонах хрипное: «Вперед!».
Вперед!
И скорость третья, и нога
Зегла на газ,
И кости вражьих дзотов
Хрустят уже.

Но залегла в снега
Под пулями и минами пехота.
А с флангов жгут термитными
в упор
Тяжелый танк...

И, пламенем задетый,
Захлебываясь дымом, взвыл мотор...
Как молнии, во тьму пошли ракеты,
Багровых вспышек непрерывный ряд,
Тяжелых взрывов круглые раскаты —
И вот уже орудия молчат
И пулеметы,
И пошли солдаты.
И грозное победное ура
Вдаль почесли железные ветра.
И мы пошли, гремели дизеля,
Ночь огненными крыльями
махала,
И, колыхаясь, грузная земля
В прицелах танков на дыбы вставала.

3

Взошла заря, с утра летят ветра,
Седые клубы дыма разметая,
Огонь зари как бы огонь костра:

В золе и пепле вся передовая.
А над блиндажем, из последних сил
Поднявшись к небу, как на пьедестале,
Он все еще горел, еще чадил,
Когда его штабисты отыскиали.
Полковник снял в молчанье с головы
Тяжелый шлем. Замолкли офицеры.
Все было здесь понятно для живых:
И это утро, этот пепел серый,
И втоптаные в землю сапоги,
И пушки, искореженные сталью,
И тапк над всем побойщем...

Таким,

Таким он и стоит на пьедестале.

4

«Пускай стоит, чтобы кругом цветы,
Чтоб виден был народу издалека... —
Сказал полковник. — Чтобы с высоты
Орудие смотрело черным оком,
Как в Крым везут и в Сочи поезда
Далеких мирных жителей на отдых,
Как ночью с неба падает звезда,
Сменяются закаты и восходы...»
Горелой краской пахло от брони
И известью сырой от пьедестала...
«Пусть дети здесь играют, им в тени
Не жарко будет...» — медленно сказал он.
И рухнула обвалом тишина,
Мы на ходу задраивали люки,
И пороха тяжелая волна
Затворы пушек отвела со стуком.

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определи,
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей латы.
Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...
И по почам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Наровчатов. О поэзии Сергея Орлова</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Человеку холодно без песни...»	11
---	----

1938—1940

Тыква	12
«Вешнюю голубым узором...»	13

1941—1945

«Как на родине? Осень...»	14
«Через края сосновых станций...»	16
Осень	17
В землянке	19
«В танке холодно и тесно...»	20

Ирландская застольная	22
Костер	24
На постеле	26
«Погадай мне в этот вечер...»	27
Землянка	29
О счастье	30
Песня о кочегаре	31
Это было 19 марта 1943 года	32
Карбусель	34
«Кузнечики стучат в траве...»	36
Перед наступлением	37
Отдых	38
«Ходят тучи сизые до злости...»	40
Песенка	41
Пыль	42
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	43
Смотровая щель	44
Кукушка	45
Дружба	47
«Песня — что-то вроде костра...»	48
На марше	50
После марша	52
«Тополь встанет молодой...»	53
«Потомок наш о нас еще вспомнит...»	54
Прощанье с землянкой	55
Танки в Новгороде	56
«Поутру, по огненному знаку...»	57
«Идут солдаты, от сапог...»	58
«Его зарыли в шар земной...»	59
Перед порогом	60
«Пароход покричал, покричал...»	61
«У той березки, где с тобой...»	62
Колодезный журавль	63
Поезд	64

Випо	65
«Всю вселенную проехав с боем...»	66
«Вот человек — он искалечен...»	68
«Дымок — дыхание костра...»	69
После боя	70
Атака на рассвете	71
«А мы такую книгу прочитали...»	72
«Руками, огрубевшими от стали...»	73
«Жить от атаки до атакн...»	75
«Облако за месяц зацепилось...»	76
Белозерье	77
Поездка в Ковжу	78
«Опять пойдут хлестать метели...»	79
Журавли	81
На пристани	83
«Светлый север, лес дремучий...»	85

1946—1948

«Опять плывет закат над реками...»	86
«Есть где-то моря-океаны...»	88
Плавучая культбаза	90
Плотогон	92
Новый мост	94
Паромщик	96
Дергач	93
«Пришел мальчишка в школу, в первый класс...»	99
«Здесь постепенно умирает лето...»	100
Станция «Валя»	101
Бакенщик	103
«Словно башни победы — на рыжих увалах...»	105
Старый буксир	106
Поле	103
«Где тишина и запустенье...»	109

«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	111
«Человека осаждают сны...»	112
«Как стога, стоят снега...»	113
Живая вода	115
Дома	116
На привале	118
«Да, не поле перейти...»	119
У сгоревшего танка	120
Ночью	122
«У огня своя архитектура...»	123
Сталинград	124
Молодой солдат	125
Площадь Революции	127
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	123

1949—1953

Песня	129
«Это поезд, идущий в лето...»	131
В теплице	134
«Вышел вечер, облака раскпнув...»	136
Чалекса	138
«Люблю строительства леса...»	141
В этот день	143
Жеребенок	145
В поле	147
Дождь	149
На вокзале	151
Студентке	153
«Ты любовь не зови...»	156
Курортники	153
Шура Капарулина	160
Фотограф	163
После дождя	166

Голубь	167
Памятник танкистам в Калаче	169
Сталинградский дождь	171
Кош	173
В клубе	175
Суслик	178
Марья Гавриловна	179
Лесовод	182
Баллада о цветах	184
Мальчишка	187
Весеннее	189
На поверку	191
Ночью в казарме	193
Начальник заставы	194
Тишина	197
Застава имени Коробицына	193
Экзамен	200
В кино	202
Гвардейское знамя	204
Поляк обедает	205
«Приснилось мне жаркое лето...»	207
В городском саду	209
«Гудок над пристанью вечерней...»	211
У себя дома	213
9 мая 1945 года	216
«В новой чайной Дома крестьянина...»	218
«Рыжий дождик бегал с ветром взапуски...»	220
Новогодняя сказка	222

1954—1958

Стихи о первой любви	224
«Старый снимок...»	226
Письмо	228

Ракеты	230
Перед парадом	231
В день танкиста	232
Первая годовщина	233
«Низко прыгбая травы лета...»	234
«Час назад сказал как можно строже...»	235
«Жизнь, по пословице, не поле...»	236
Родина	237
Первый трактор	238
Акрополь	239
В Риме	240
В голубой мечети	241
На Босфоре	242
У берегов Испании	243
Встреча в Париже	244
В Праге	245
На даче	246
«Над пирогами и борщом...»	247
«В субботу «Голубой Дунай»...»	248
Шестнадцать лет тому назад	249
«На Большом Гнездиновском...»	250
«Над тихими столицами районов...»	251
«Голос первой любви моей — поздний, напрасный...»	252
«Палочки две и одна закорючина...»	253
Семейный альбом	254
«Витька, Коля, Саша и Петро...»	255
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	256
Хлеб коммуны	257
Железная дорога	258
«Под атласным одеялом...»	259
Памятник	260

Сергей Сергеевич Орлов

ИЗБРАННОЕ, КН. 1

Редактор *И. Исакович*

Художественный редактор *А. Гасников*

Технический редактор *М. Андреева*

Корректор *В. Урсс*

Сдано в набор 1/IX 1970 г.

Подписано к печати 12/1 1971 г.

М-10315. Тип. бум. № 1.

Формат 70×108¹/₂, 9,5 печ. л.

13,3 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6,948+

1 вкл.=7,024. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 769. Цена 91 коп.

Издательство

«Художественная литература»

Ленинградское отделение

Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская ордена Трудового

Красного Знамени типография № 2

имени Евгении Соколовой

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР

Измайловский пр., 29.

[85р.]